

Планета имени Лермонтова

«Музей - заповедник имени М. Ю. Лермонтова в Пятигорске получил почетное свидетельство о названии малой планеты под номером 2222 именем великого поэта» («Известия», 22 января 1982 года).

Открытие новой планеты — событие астрономической науки. В том, что она названа именем поэта — след иного «происхождения», человеческих привязанностей и пристрастий. Поэтому позволительно откликнуться на это событие не специалисту, который может разрешить себе (в отличие от специалиста) вольность отождествления планеты со звездой ради того глубокого и волнующего человеческого смысла, который заключен для него в этом коротком сообщении.

Мир Лермонтова — это мир, тяготеющий к звездным высотам, если можно так сказать, изначально и инстинктивно, не менее, чем он тяготел к высотам Кавказа, который, перефразируя известный афоризм, для Лермонтова надо было бы выдумать, если бы его не существовало в действительности.

Кавказ — жилище вольности святой — в поэтической системе великого русского поэта воспринимается как грандиозное иносказание, как «инобытие» запретной темы, темы вольности, непреклонности, мужества. Но современник Николая I и Бенкендорфа, гонимый и опальный и, тем не менее, находящийся в непримиримой оппозиции к властям и к обществу, он был обречен на одиночество и нес его гордо и почти вызывающе демонстративно. Горестная тяга к астральным далям в творчестве Лермонтова — выражение этого особого одино-

чества, которое в определенных обстоятельствах было равно вызову и борьбе:

«Как в ночь звезды
падучей пламень,
Не нужен миру я...»

или

«Мой дом везде, где есть
небесный свод,
До самых звезд он кровлей
достигает...»

или:

«Вверху одна горит
звезда,
Мой ум она манит
всегда...»

Образ «странника, в мире безродного» иногда, и это естественно для лермонтовской поэтики, оборачивается образом путника в ночи: перед ним — «сквозь туман кремнистый путь блестит», над ним, в недоступной вышине, не видя его, переговариваются звезды — «звезда с звездой говорит», как сказано у него с песенной легкостью и томительной печалью. Одинокая маленькая человеческая фигура в «пустыне» мироздания — образ одиночества, принимающий уже космические масштабы. Но парадокс в том, что гордая одинокая обособленность лирического героя Лермонтова — это и есть своеобразная защита от «голубых мундиров», от пошлости и заурядности — феномен, глубоко социальный, а тема одиночества в его лирике осмысливается как обратная сторона темы вольности, расстре-

лянной и распятой (как известно, Лермонтов на общественно-литературном поприще выступил непосредственно вслед за декабристами). Высшим выражением этой протестующей мятежности явился его небожитель, межзвездный скиталец, самый одинокий, но и самый сильный, быть может, протестант из всех, когда-либо созданных художественной мыслью. (Попутно отметим, что присутствие в поэме «Демон» темы Кавказа — «иной картины красоты живые... прекрасной Грузии долины» и темы «звездной», трагической, обреченной высоты заглавного героя, одинаково важны для расфигурки ее полифонической системы).

Иногда голос Лермонтова, когда он говорит о звездах, становится почти домашним, негромким, хотя и в этом случае сниженно-бытовая интонация не скрывает трагической темы:

«Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье
ребенка...»

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидуя звездам
прекрасным,
Только их место занять
бы желал...»

«Небо и звезды».

«Светись, светись, далекая
звезда,
Чтоб я в ночи встречал
тебя всегда», —

произносил он, как заклинание.

Способ, каким увековечивают явление, никогда не безразличен к самому явлению, к сущности его. В просторах Вселенной родилась звезда Лермонтова. Это ли не самый точный (и таинственно с ним связанный) способ увековечить поэтического мир, высокий, как звезды?

Лина ХИХАДЗЕ.

ВЕРНИ ТВОЮ
Томаса

27 ФЕВ 1982